

Константинов М.

аспирант кафедры философии и социально-политических дисциплин
Полтавского национального технического университета
имени Юрия Кондратюка

СТАНОВЛЕНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ЮРИЯ ЛОТМАНА

В статье рассматриваются основные источники формирования структурно-семиотического подхода выдающегося советского культуролога Ю. М. Лотмана. В частности, рассматривается влияние Ленинградской литературоведческой школы, гегелевско-марксистской диалектики, естественных и точных наук, основателей семиотики, а также учения о биосфере В. И. Вернадского.

Ключевые слова: семиотика, структурализм, Ю. Лотман, семиосфера.

Константинов М.

аспірант кафедри філософії і соціально-політичних дисциплін Полтавського
національного технічного університету імені Юрія Кондратюка

СТАНОВЛЕННЯ СТРУКТУРНО-СЕМІОТИЧНОГО ПІДХОДУ ЮРИЯ ЛОТМАНА

У статті розглядаються основні джерела формування структурно-семиотичного підходу видатного радянського культуролога Ю. М. Лотмана. Зокрема, розглядається вплив Ленінградської літературознавчої школи, гегелівсько-марксистської діалектики, природничих і точних наук, засновників семіотики, а також вчення про біосферу В. І. Вернадського.

Ключові слова: семіотика, структуралізм, Ю. Лотман, семіосфера.

Konstantinov M.

Post-graduate student,

Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University

**FORMATION OF YURI LOTMAN'S
STRUCTURAL AND SEMIOTICS APPROACH**

In article the main sources of formation of structural and semiotics approach of the outstanding Soviet culturologist Yu. M. Lotman are considered. In particular, influence of the Leningrad literary school, Hegel and Marx dialectics, natural and exact sciences, founders of semiotics, and also theory of the biosphere of V. I. Vernadsky is considered.

Keywords: *semiotics, structuralism, Yu. Lotman, semiosphere.*

Постановка проблемы и анализ последних публикаций. Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) является эпохальной личностью советской культуры второй половины прошлого века. Он был культурологом, литературоведом, семиотиком, искусствоведом, лингвистом, педагогом. Влияние Ю. Лотмана на исследование советской и русской культуры и искусства было настолько значимо, что можно говорить о двух периодах этих исследований: до и после Ю. Лотмана.

Творческому становлению Ю. Лотмана посвящено достаточно много работ российских исследователей. Это монографии Б. Егорова [2], Ким Су Квана [4], А. Васильева, диссертации А. Козлова, Р. Зайнетдиновой, О. Леута и другие. Следует упомянуть также несколько юбилейных Лотмановских сборников, выпущенных как при его жизни, так и после его смерти. Этой теме касаются в своих статьях Б. Егоров, М. Иванов, Л. Гаспаров, Н. Автономова, Е. Волкова, С. Зенкин, С. Даниеэль, Р. Григорьев, Г. Кнабе, Р. Лахман, О. Леут, Л. Столович.

Среди последних зарубежных исследований о Лотмане можно упомянуть монографию Edna Andrews «Conversations with Lotman: Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition» (2003), сборник статей о творчестве Лотмана под редакцией Andreas Schönle: «Lotman and Cultural Studies. Encounters and Extensions» (2006), монографию Maxim Waldstein «The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics» (2008).

Среди украинских исследователей можно назвать работы А. Киченко, но в целом большого интереса к творчеству Ю. Лотмана и московско-тартусской семиотической школы не ощущается.

Анализируя библиографию, можно сказать, что, несмотря на большое количество книг, диссертаций, статей, посвящённых научному творчеству Ю. Лотмана, до сих пор нет развернутого исследования, посвященного анализу семиотического подхода Ю. Лотмана к киноискусству, хотя им были написаны две книги на эту тему («Семиотика кино и проблемы киноэстетики», 1973; «Диалог с экраном», 1994, в соавторстве с Ю. Цивьяном), а также несколько статей. В связи с актуальностью темы киноискусства в творчестве Ю. Лотмана, есть необходимость с этой точки зрения взглянуть на творческие источники его структурно-семиотического подхода к искусству.

Целью данной статьи является определение основных истоков, из которых сформировался научная концепция Ю. М. Лотмана, в контексте дальнейшего развития его семиотической теории киноискусства.

Основная часть. Среди источников формирования концепции Ю. Лотмана можно выделить следующие пять позиций: Ленинградская литературно-исследовательская традиция, гегелевско-марксистская диалектическая методология, использование «точных методов», влияние классиков семиотик, учение о «биосфере» В. Вернадского.

Ленинградская литературно-исследовательская традиция оказала существенное влияние на Ю. Лотмана во время учебы на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, который он

закончил в 1950 году. Б. Егоров в своей книге пишет: «Филологический факультет Ленинградского университета отличался в тридцатых – сороковых годах блестящим созвездием ученых с всесоюзным и даже, некоторых, с мировым именем: академики В. Ф. Шишмарев, Л. В. Щерба, А. С. Орлов, В. М. Алексеев, члены-корреспонденты Академии наук Д. К. Зеленин, Н. К. Пиксанов, В. М. Жирмунский, профессора Г. А. Гуковский, В. Я. Пропп, М. К. Азадовский, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, В. Е. Евгеньев-Максимов, В. В. Гиппиус, А. С. Долинин, Г. А. Бялый» [2, с. 18]. Сам Ю. Лотман в 1992 продиктовал статью «Двойной портрет», где описал некоторых своих учителей – Б. Томашевского, Г. Гуковского, М. Азадовского, В. Проппа и Б. Эйхенбаума. Также планировалось рассказ о В. Жирмунском, но Юрий Михайлович неожиданно прекратил работу над этой статьей, «посчитав, что воспоминания не представляют научного интереса» [6, с. 54]. Из содержания статьи, можно увидеть, что Лотман даже в последние годы жизни (он умер в 1993 году) с большим уважением относился к своим великим и любимым учителям. Он часто ссылаясь на эти имена в своих работах, например, в одной из ключевых своих книг «Структура художественного текста» (1970).

Влияние гегелевско-марксистской диалектической методологии – также результат обучения в университете, изучения Гегеля и доминирования марксистско-ленинской идеологии в Советском Союзе. Б. Егоров пишет о том, что позитивистские черты лотмановского метода соединились с элементами гегельянства и гегельянского раннего марксизма, а именно – «широкомасштабное обобщение всех частных, целостность анализа, историзм, связь изучаемых художественных методов с социально-политическими реалиями, вплоть до классовых проблем и интересов, пафос закономерностей общественного и культурного развития (лишь к концу жизни Лотман начнет колебать железную закономерность включением обильных случайностей бытия), всеобщая диалектическая сложность,

создающая многозначность мира и всеобщую переплетенность его частей» [2, с. 43].

М. Гаспаров также говорит, что Лотман принял из марксизма (без его идеологической составляющей) пафос строгой науки, диалектику, материализм и историзм. «Лотман относился к марксистскому методу серьезно, а к идеологии – так, как она того заслуживала. ... Лотман ... строго держался установок марксизма – установок на диалектику» [1, с. 416, 419]. М. Гаспаров также обращал внимание на слова самого Ю. Лотмана о прямой связи диалектики и структурализма: «Методологической основой структурализма является диалектика. Одним из основных принципов структурализма является отказ от анализа по принципу механического перечня признаков. Исследователь не перечисляет "признаки", а строит модель связей» [5, с. 93]. Сам Ю. Лотман в книге «Структура художественного текста» по этому поводу писал: «Взятые в отдельности, те или иные структурные закономерности порождают замкнутые, синхронные, лишённые внутренней динамики системы. Изолированные одна от другой, эти системы хорошо поддаются структурному описанию. Подобные частичные описания могут дать весьма полное представление о той или иной конструкции, но очень часто совершенно не касаются проблемы их соотнесенности. Так, две функционально противоположные конструкции могут при изолированном описании выступить как просто лишённые связи. Однако, взятые в единстве, они могут оказаться противопоставленными по функции: то, что запрещается одной системой, может предписываться другой» [11, с. 189].

Использование «точных методов». Кибернетика, теория информации, термодинамика, теорема Пригожина – теорема термодинамики неравновесных процессов, – всё это широко использовалось Ю. Лотманом как инструментарий для своих исследований. «...Лотман, взяв в кибернетике, в добавление к учению де Соссюра, важнейшие понятия структуры и системы, вскоре ушел в другую новую сферу, которая захватила его на

многие годы, фактически до конца жизни, – в область структурализма и семиотики, хотя он часто будет впоследствии обращаться непосредственно к теории информации, сопрягая ее с этими областями» [2, с. 92].

В. Иванов по этому поводу замечал, что к восприятию идей Пригожина Лотман был подготовлен тем периодом, когда еще с начала шестидесятых годов развитие русской семиотики шло рука об руку с первыми опытами приложения теории информации к явлениям культуры. «Хотя теория информации возникла, в основном, благодаря трудам американского инженера и математика К. Шеннона, исследовавшего передачу сообщений по техническим каналам связи, круг ее применений оказался очень широким. Это было замечено сразу же одним из создателей теории – великим русским математиком А. П. Колмогоровым, с которым Лотман общался в те годы, когда тот начинал свои занятия русским стихом. В подходе Лотмана к взрывным процессам отчетливо ощущается его интерес к их информационной характеристике. Именно в этом Лотман оказывается особенно близок к Пригожину» [3, с. XI].

Умберто Эко в «Предисловие к английскому изданию книги «Внутри мыслящих миров», говоря о статье Лотмана «О точных методах в русском литературоведении», написанной для итальянского журнала «Strumenti critici» в 1967 г., резюмирует основы его исследовательского метода в шести пунктов резюме. Среди других, Умберто Эко пишет: «1. Противопоставление точных и гуманитарных наук должно быть устранено. <...> 3. Русские формалисты двадцатых годов положили начало изучению литературной "техники", а сейчас настало время ввести в арсенал литературоведения методы лингвистического структурализма, семиотики, теории информации, кибернетики и математико-статистического анализа» [13, с. 409]. Сам Ю. Лотман по поводу использования точных наук в искусствоведении писал: «... Искусство обладает и другими свойствами, которые вполне достойны привлечь внимание специалиста-кибернетика, а со временем, может быть, и инженера-конструктора» [11, с. 35]. Он считал, что современная наука

характеризуется сближением сфер, традиционно считавшихся весьма отдаленными, что привело к появлению «гибридных» областей знания, при этом наиболее плодотворные результаты порой приносит именно смелое перенесение в новые области методов исследования, выработанных в других областях науки. «Опыты по применению "точных методов" к изучению искусства являются частью этого общенаучного процесса. <...> Именно связанность "языка математики" и "языка искусства" в единой структуре культуры, с одной стороны, и принципиальное различие их имманентной организации, с другой, делают содержательным акт взаимного перевода текстов на этих языках, то есть позволяют им взаимно выступать в качестве основ для построения метаязыка описания» [7, с. 5–7]. Попытки, например, К. Леви-Стросса построить логический аппарат для описания мифа на основе структурных принципов полифонической музыки Ю. Лотман приветствовал как такие, что опираются на выводы современных прогрессивных общенаучных направлений – теории знаковых систем (семиотики), теории информации.

Влияние классиков семиотики. Говоря о структурно-семиотическом подходе Ю. Лотмана, необходимо указать на особенность, которая была характерна для многих больших семиотиков второй половины прошлого века (Роланд Барт, Кристиан Метц, Жерар Женетт, Юлия Кристева, Цветан Тодоров, Умберто Эко и другие). Все они начинали в структурализме и в итоге вышли из него или отделились от его первоначального понимания. Эта эволюция была вызвана тем, что описывают в виде цепочки «структурализм – постструктурализм – постмодернизм», которая характерна для мировоззренческой трансформации второй половине 20 века. Ю. Лотман также относится к этой группе ученых. Ким Су Кван указывает на эту особенность научного наследия Лотмана: «Как известно, творческие идеи Ю. Лотмана на протяжении почти тридцатилетнего своего существования претерпели серьезную эволюцию, при этом и семиотическая теория Лотмана значительным образом трансформировала как свой внешний облик, так и

внутренние характеристики. В этом смысле, при всех неоспоримо «структуралистских» чертах семиотической теории Лотмана, нельзя характеризовать ее в целом только в рамках эпистемологической специфики 1960-х годов. Описание главных принципов, положенных в основу «Лекций по структурной поэтике» (1964) и книг «Внутри мыслящих миров» (1990) и «Культура и взрыв» (1992), – одновременно в синхронном плане, с использованием какого-либо одного метаязыка, – не только неприемлемо, но и практически невозможно. Очевидное расхождение между теоретическими взглядами раннего и позднего Лотмана иногда даже позволяет сделать вывод, что поздние идеи Лотмана должны пониматься как «отказ» от всех исходных понятий» [4, с. 14–15]. Следует отметить, что эта эволюция отражается как раз на взглядах Лотмана на киноискусство, поскольку две его книги по этой теме («Семиотика кино и проблемы киноэстетики» и «Диалог с экраном») относятся к начальному и позднему периоду его творчества.

Семиотические истоки творчества Ю. Лотмана связаны практически со всеми основателями семиотики или семиологии – это философ и логик, основоположник прагматизма и семиотики Чарльз Сэндрес Пирс, основоположник структурной лингвистики и семиологии Фердинанд де Соссюр, Готлоб Фреге, Чарльз Уильям Моррис, Луи Ельмслев, а также представители Пражского лингвистического кружка Вилем Матезиус, Ян Мукаржовский с группой соотечественников, и примкнувшие к ним русские эмигранты Н. С. Трубецкой и Р. О. Jakobson.

Под семиотикой, по словам Ю. Лотмана следует понимать науку «о коммуникативных системах и знаках, которыми в процессе общения пользуются люди (и не только люди, но и животные или машины)» [8, с. 6]. Между прочим, он указывал и на предысторию семиотики в английском эмпиризме: «Семиотика возникла как самостоятельная дисциплина сравнительно недавно, хотя еще в XVII в. английский философ-материалист Дж. Локк очень точно определил сущность и объем семиотики (использував именно этот термин)». Задачей раздела «семиотика», или «учение о знаках»,

Локк считал «рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для понимания вещей или для передачи своего знания другим». «Это определение семиотики, – замечает Ю. Лотман, – до сих пор остается вполне удовлетворительным с научной точки зрения» [8, с. 8].

Фердинанд де Соссюр определил основные положения семиотики с позиций лингвистического подхода: системность, всеобщая взаимосвязанность в языке; язык – система знаков. В языке де Соссюр усматривал синхронические и диахронические (исторические) акценты, предпочитая при этом синхронию. Вся лингвистическая совокупность делится на язык («теоретический» свод правил, общенародное достояние) и речь – конкретные тексты, устные или письменно-печатные. «Язык – форма, а не субстанция, поэтому, например, фонему стоит рассматривать не по ее звуку, а по совокупности различительных (дифференциальных) признаков, отличающих ее от других фонем, – эти положения составили фундамент современного лингвистического структурализма» [2, с. 95]. Ф. де Соссюр так определял семиотику, которую он называл семиологией: «...Можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией (от греч. *semeion* «знак»)» [12, с. 54].

Классификацию знаков ввел Ч. Пирс, разделив их на три категории: иконические, индексы, символы, а также ввёл понятие «семиозис», которое он применял для характеристики триадической природы элементарного знакового отношения объект – знак – интерпретант. Последователь Пирса Ч. Моррис дал первое систематическое изложение семиотики. Он также определил три подраздела составляющих семиотики: семантика (наука о значении знака и отношения его к объекту), синтаксис (наука об отношении знаков между собой), прагматика (наука об отношении знака к субъекту – интерпретатору).

Дальнейшее развитие семиотики и структурализма получило в Пражском лингвистическом кружке. Изучая историю языков, пражцы, особенно Р. Якобсон, стремились рассматривать языковые изменения в системе, выявлять то, как изменение одного фрагмента системы вело к ее перестройке в целом. Они также выделяли для себя как в качестве ключевых для своей концепции понятия структуры и функции. Функция понималась в ПЛК как цель, ради которой употребляются языковые единицы, что предвосхищало базовые положения будущей лингвистической прагматики. Тем самым язык рассматривался как система, связанная с реальностью и используемая для достижения определенных целей. Среди функций языка в первую очередь выделялась функция общения людей, разделявшаяся на интеллектуальную и аффективную; наряду с ней выделялась поэтическая функция, направленная не на внешний мир, а на сам знак. В связи с таким пониманием роли словесного искусства в ПЛК развивалась структурная поэтика, в первую очередь Р. Якобсоном, которым впоследствии, уже в американский период его творчества, была сформулирована ставшая классической теория функций языка, выводимая из модели коммуникативного акта.

Оценивая значение Р. Якобсона как лингвиста, Ю. Лотман обращал внимание на то, что он уточнил значение «тропов вообще, так и конкретных их видов (метафора, метонимия, синекдоха, ирония) в соответствии с современными лингво-семиотическими идеями <...> Якобсон, выделяя два основных вида тропа: метафору и метонимию, связывает их с двумя основными осями структуры языка — парадигматической и синтагматической. Метафора представляет собой, по Якобсону, замещение понятия по оси парадигматики, что связано с выбором из парадигматического ряда, замещением *in absentia* и установлением смысловой связи по сходству; метонимия располагается на синтагматической оси и представляет собой не выбор, а сочетание *in praesentia* и установление связи по смежности. Рассматривая культурную функцию риторических фигур, Якобсон, с одной стороны, расширяет ее, видя в ней основу

смыслообразования в любой семиотической системе. Поэтому он применяет термины «метафора» и «метонимия» к кино, живописи, психоанализу и т. д. С другой стороны, он сужает их, отводя метафоре сферу семиотической структуры = поэзии, а метонимии - сферу текста = прозы» [10, с. 408–409].

Рассматривая влияние Р. Якобсона на Ю. Лотмана, Ким Су Кван отмечает, что Якобсон представлял любой текст как коммуникативный акт. Он создал схему коммуникативной модели, согласно которой работает также любое произведение искусства (как текст), включая кино. По мнению Якобсона, нельзя представлять текст как некоторый отдельный, изолированный и самодовлеющий стабильный объект, имеющий постоянные признаки, каким он считался в формализме и ранних структурных исследованиях, – скорее, он должен представляться не как предмет, а в качестве «функции». «При этом передача определенной информации – всего лишь одна часть "функционального понятия" текста. Текст связан со всеми остальными компонентами схемы коммуникации Р. Якобсона – "кодом (языком)", "адресантом", "адресатом", "контекстом" и "контактом", и в принципе все они должны быть включены в понятие текста» [4, с. 105].

От «биосферы» к «семиосфере». В 1984 году Ю. Лотман опубликовал статью, в которой ввел и объяснил новое понятие «семиосфера», которое стало «теоретической вершиной всех построений ученого его последних лет» [2, с. 228]. За основу этого понятия он взял понятие «биосферы» В. И. Вернадского.

Как известно, «семиосфера» – это «некий континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями», и, по Лотману, «только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации», то есть вне его «невозможно само существование семиозиса» [9, с. 13]. При этом заполняющие это пространство разнотипные семиотические образования – не что иное, как отдельные семиотические «личности», замкнутые сами на себя

самостоятельные единицы. Безусловно, это придает принципиальное внутреннее разнообразие организации этого пространства» [4, с. 126].

Выводы. В данной статье мы рассмотрели пять основных источников формирования научного подхода Ю. Лотмана. Можно отметить в этой связи, что структурно-семиотический подход Ю. Лотмана формировался на стыке гуманитарных и естественных наук, советской и европейской философско-культурологических традиций, гегелевско-марксистской диалектики и семиотики. Такой синтез разнообразных элементов, как этой часто бывает в науке, предопределил неординарный и эвристически плодотворный результат, каковым и стал структурно-семиотический метод Ю. Лотмана.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Лотман и марксизм // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана. – М.: НЛЮ, 1999. – 384 с.
3. Иванов Вяч. Вс. Семиосфера и история // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю.М.Лотмана. – М., НЛЮ, 2003. – 176 с.
5. Лотман Ю.М. Литературоведение должно быть наукой // Вопросы литературы. – 1967. – № 9.
6. Лотман Ю. М. Двойной портрет // Лотмановский сборник. 1. – М., 1995. – С. 54–71.
7. Лотман Ю. М. Искусствознание и «точные методы» в современных зарубежных исследованиях // Семиотика и искусствометрия: Современные зарубежные исследования; сборник переводов / сост. и ред. Ю. М. Лотмана и В. М. Петрова. – М.: Мир, 1972.
8. Лотман Ю. М. Люди и знаки // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
9. Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи в трех томах. Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.
10. Лотман Ю. М. Риторика // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998.

11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. С. 14–285.

12. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

13. Эко У. Предисловие к английскому изданию // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999.

REFERENCES

1. Gasparov M.L. // Lotman Yu.M. In the conceiving worlds. Person – Text – Semiosphere – History. (Vnutri mysliaschih mirov. Chelovek – text – semiosfera – istoriia). Moscow, 1999.

2. Egorov B.F. Life and creativity of Yu.M.Lotman (Zhizn' i tvorchestvo Yu. Lotmana). Moscow, 1999.

3. Ivanov V.V. // Lotman Yu.M. In the conceiving worlds. Person – Text – Semiosphere – History. (Vnutri mysliaschih mirov. Chelovek – text – semiosfera – istoriia). Moscow, 1999.

4. Kim Su Qan. Main aspects of Yu.Lotman's creative evolution (Osnovnye aspekty tvorcheskoi evolucii Yu. Lotmana). Moscow, 2003.

5. Lotman Yu.M. Voprosy literatury. 1967. № 9.

6. Lotman Yu.M. Lotman's collection (Lotmanovsky sbornik). 1. Moscow, 1995. Pp. 54–71.

7. Lotman Yu.M. Art Studies and "exact methods" in modern foreign researches (Iskustvoznanie i "tochnye metody" v sovremennyh zarubezhnyh issledovaniiah) // Semiotics and Artmetric: modern foreign researches (Semiotika i iskustvometriia: Sovremennye zarubezhnye issledovaniia). Ed. Yu. Lotman, V. Petrov. Moscow, 1972.

8. Lotman Yu.M. People and signs (Liudi s znaki) // Lotman Yu.M. Semiosphere (Semiosfera). Sankt-Petersburg, 2010.

9. Lotman Yu.M. About Semiosphere (O Semiosfera) // Selected workes in 3 vol. Vol. 1. Tallinn, 1992.

10. Lotman Yu.M. Rhetoric (Ritorika) // Lotman Yu.M. About Art (Ob iskustve. Sankt-Petersburg, 1998.

11. Lotman Yu.M. Structure of the art text (Struktura hudozhestvennogo texta) // Lotman Yu.M. About Art (Ob iskustve. Sankt-Petersburg, 1998. Pp. 14–285.

12. Saussure F. Course in General Linguistics (Kurs obschei lingvistiki) // Saussure F. Works on linguistics (Trudy po iazykoznaniiu). Moscow, 1977.

13. Eco U. // Lotman Yu.M. In the conceiving worlds. Person – Text – Semiosphere – History. (Vnutri mysliaschih mirov. Chelovek – text – semiosfera – istoriia). Moscow, 1999.